

П.Д. Бутурлин

**Сонеты посмертное
издание**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Д. Бутурлин**
Сонеты посмертное издание / П.Д. Бутурлин – М.: Книга по Требованию,
2021. – 62 с.

ISBN 978-5-518-00569-3

ISBN 978-5-518-00569-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СКАЗКИ.

Куда умчались вы, о, легкія видѣнья,
О, феи, карлики, рои крылатыхъ змѣй,
Царевны со звѣздой межъ бархатныхъ бровей,
Куда умчались вы, какъ звуки пѣснопѣнья?
Гдѣ садъ твой, Аладинъ, и чудные каменя
Въ мерцающей листьѣ серебряныхъ вѣтвей?
Лампада гдѣ твоя?.. Увы! изсякъ елей,
И свѣтъ ея потухъ въ нѣмой ноци забвенья!..
Обманы милые, умчались вы туда,
Гдѣ счастье дѣтскихъ лѣтъ исчезло навсегда!
Но сердцу хорошо, когда изъ этой дали,
Случайною мечтой, вы къ намъ летите вновь...
Не вы-ли, призраки, намъ первые сказали,
Что есть поэзія на свѣтѣ и любовь?

ВЕНЕРЪ МИЛОССКОЙ.

Отъ этихъ людныхъ залъ къ старинной мастерской

Назадъ, во тьму время, летитъ воображенье...

Художникъ тамъ стоитъ въ надменномъ упоеньѣ,

Рѣзецъ свой уронивъ, богиня, предъ тобой.

Не нуженъ болѣ онъ: заключено рукой

Въ оковы стройныхъ формъ безплотное видѣнье,

И въ сердцѣ,—гдѣ, какъ вихрь, носилось вдохновенье,—

Привольно ширится восторженный покой.

Но, глядя на тебя, тотъ геній величавый,

Чье имя злобный рокъ жестоко скрылъ отъ славы,

О, все ли счастье свое онъ сознавалъ?—

Шептало ли ему пророческое чувство,

Что навсегда тобой онъ побѣдилъ искусство,

Тобой, о, красоты безгрѣшный идеаль?

ДАЛЕКОМУ ДРУГУ.

Я знаю, что тебѣ въ томящій часъ мечтаній
Одинъ все снится сонъ печальной красоты:
Не городъ царственный подъ небомъ безъ сяній,
Притонъ развратныхъ чаръ и злобной суеты;
Но предъ тобой хлѣба волнуются безъ грани,
И шелестятъ березъ зеленые листы...
Ты видишь вновь страну, страну воспоминаній,
Гдѣ въ первый разъ любилъ, страдалъ и плакалъ ты...
О, не забудь ея въ лазурномъ отдаленьи,
У свѣтлыхъ береговъ тропическихъ морей,
Хоть счастье,—дай Богъ!—ты тамъ найдешь въ забвеньи;
О, не забудь ея, мой другъ! грусти по ней,
Грусти по родинѣ, бессонными ночами,
Подъ новыми тебѣ, подъ чуждыми звѣздами.

ЗОЛОТО.

А были дни, когда земля еще таила

Тебя, о, золото отъ алчности людской!

Но слабый міръ теперь порабощенъ тобой,—

И совѣсть, измѣнивъ, его не защитила.

Преграды нѣтъ тебѣ, о, пагубная сила!

Ты—власть чудесная, ты—дерзостный покой:

Безжалостный порокъ подъ маской золотой

Преслѣдуетъ добро—и выю честь склонила!

Ты—счастье, жизни цѣль и сердца идеаль!

Ища тебя, нашъ вѣкъ святыни всѣ попраля—

Смиренья, и труда и вѣры благородной;

А молодость, и та, въ чаду позорныхъ сновъ,

Сама избравъ тебя звѣздою путеводной,

Смѣется наглая надъ грезами отцовъ!

СЛАДОСТРАСТЬЕ.

Когда къ моей груди, трепещущій Парось,
Ты жмешься вся бѣлѣй языческой богини,
Я пьянь отъ запаха роскошныхъ, рыжихъ косъ,
Отъ красоты твоей, отъ страсти... и гордыни!
Я пьянь!—и въ мірѣ все, всё высія святыни,
Какъ лепестки цвѣтовъ на крыльяхъ быстрыхъ грозъ,
Какъ пѣна ярыхъ волнъ, какъ легкій прахъ пустыни,
Все исчезаетъ, все! и властвуетъ Эросъ!
Невольно льнутъ уста къ устамъ полураскрытымъ;
На безконечный мигъ къ мечтаньямъ позабытымъ
Лазурный путь закрыть—и умерла душа!
Но мигъ прошелъ. Еще лѣнится умъ несмѣлый
Въ усталомъ снѣ... и я ужъ вижу, не дыша,
Что руки жадныя обвили остовъ бѣлый.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

ВЪ НЕАПОЛЬ.

Графу П. И. Капнистѣ.

I.

Къ окну онъ подошелъ въ мучительномъ сомнѣнѣ;
Въ рукѣ—письмо отъ батюшки-царя;
Но взоръ разсѣянный стремился въ отдаленье,
Гдѣ тихо теплилась вечерняя заря.

Безъ волнъ и парусовъ заливъ забылъ движенье,
Серебрянымъ щитомъ межъ синихъ скалъ горя,
И надъ Везувіемъ въ лиловомъ отраженѣ,
Какъ тучка, дымъ игралъ отливомъ янтара.

И Алексѣй смотрѣлъ на мягкій блескъ природы,
На этотъ край чудесъ, гдѣ онъ узналъ впервой,
Что въ мірѣ есть краса, что въ жизни есть покой,
Спасенье отъ невзгодъ и счастье свободы...

Взбѣшенъ молчаніемъ, Толстой за нимъ стоялъ
И губы до-крови, томясь, себѣ кусалъ.

II.

Въ невольномъ, сладкомъ снѣ забылся Алексѣй...

И, вотъ, его опять терзаетъ рѣчь Толстаго:

„Вернись, вернись со мной! Среди чужихъ людей

„Позоришь ты царя, отца тебѣ роднаго;

„Но кара, вѣрь, тебя съ наложницей твоей

„Найдетъ и здѣсь. Вернись—и съ лаской встрѣтитъ снова

„Онъ сына блуднаго. Простить тебѣ... и ей!

„Въ письмѣ державное на то имѣешь слово.“

И предъ царевичемъ знакомый призракъ всталъ,

Какъ воплощенный гнѣвъ, какъ мщеніе живое...

Угрозой тайною пророчило бывшее:

„Не можетъ онъ простить! не для того онъ звалъ!

„Нешадный, точно смерть, и грозный, какъ стихія,

„Онъ—не отецъ! онъ—царь! онъ—новая Россія!“

Ш.

Но сердце жгли глаза великаго видѣнья;
Изъ гордыхъ устъ не скорбь родительской мольбы,
Казалось, лилась,—гремѣли въ нихъ велѣнья,
Какъ роковой призывъ архангельской трубы.
А онъ, безпомощный, привычный рабъ судьбы,
Въ тѣ быстрыя, послѣднія мгновенья,
Онъ не съумѣлъ хотѣть—и до конца борьбы
Безсильно палъ, ища минутнаго забвенья.
„Спаси, о Господи! помилуй мя, Творецъ!“
Взмолился Алексѣй, страдальчески вздыхая;
Потомъ проговорилъ: „Я покорюсь, отецъ!..“
И на письмо царя скатилася, сверкая,
Горючая слеза... Какой улыбкой злой,
Улыбкой палача, торжествовалъ Толстой!

ЛУКСОРСКІЙ ОБЕЛИСКЪ.

Кругомъ шумитъ Парижъ, веселый и красивый:

Дворцы бѣлѣются роскошною дугой

И, словно океанъ, то грозный, то игривый,

Межь ними плещется водоворотъ людской.

Какъ чуждымъ кажется изгнанникъ сиротливый,

Священный обелискъ, въ той суетѣ живой!

Гдѣ между двухъ пустынь влачится Нилъ лѣнивый,

Вкушалъ-бы онъ еще среди гробницъ покой!

Онъ помнитъ дни, когда вокругъ него другая

Столица ширилась, прекраснѣй и шумнѣй,

И мѣръ лежалъ, какъ рабъ, у ногъ ея царей...

И обелискъ груститъ средь новой жизни, зная,

Что пролетятъ вѣка—и будетъ онъ опять

На новой родинѣ среди гробницъ стоять.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

О, нѣтъ! не умеръ ты, какъ славный пѣлъ пѣвецъ!

И въ грозный, грѣшный часъ, когда рукъ кумира

Ты руку протянулъ среди безумья пира,

Тебѣ, о, дерзостный, нѣтъ, не пришелъ конецъ!

Ты вѣченъ, какъ развратъ, всеильный царь сердець!

Твои уста страшнѣй, чѣмъ красный клювъ вампира,—

И отдаетъ себя лобзаньямъ ихъ Эльвира,

Пока глубоко спитъ довѣрчивый отецъ!..

Но ты теперь не тотъ, не рыцарь идеала,

Чья молодая страсть когда-то заставляла

Крестьянокъ и княженъ забыть дѣвичій стыдъ:

Земля стара—и ты, обрюзглый и плѣшивый,

Бездушный, какъ дикарь, и, какъ сатиръ, блудливый,

Ты старъ, о Донъ Жаунъ,—но ты богатъ, какъ жидъ!